

УДК 94(470.5)"1920"343.35

СОБЛАЗНЫ НЭПА: ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УРАЛА В 1920-Е ГОДЫ¹

С. В. Воробьев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
svorob.hist@gmail.com

Статья посвящена влиянию нэпа на советскую региональную систему власти. Показано, что рыночные условия создают благоприятную среду для развития негативных явлений в советском аппарате управления: взяточничества, должностных злоупотреблений, буржуазного образа жизни. Исследуется степень вовлеченности в этот процесс представителей партийных и советских ответственных работников, хозяйственных руководителей Урала, рассматриваются формы девиантного поведения представителей советской элиты. Уделяется внимание способам борьбы с этими явлениями со стороны центрального руководства страны и региональных органов власти.

Ключевые слова: региональная система управления, Урал, новая экономическая политика, партийно-советские руководители, хозяйственные руководители, должностные преступления.

В начале 1920-х гг. советская система управления находилась в стадии становления. Местные органы власти действовали в достаточной степени автономно относительно центрального руководства, позволяя себе игнорировать указания вышестоящих инстанций [Чистиков, 2007, с. 273; Воробьев, 2008, с. 50]. Структурные подразделения, призванные осуществлять контрольно-надзорные функции, не справлялись с ними в полном объеме. Жесткая аппаратная вертикаль с партийным контролем деятельности нижестоящих и ведомственных органов управления также окончательно не оформилась, особенно в провинции.

В условиях высокой социальной мобильности, вызванной революционными событиями и Гражданской войной, во властные структуры нового политического режима нередко попадали люди, которые рассматривали власть как источник собственного благосостояния, личной наживы. По свидетельству очевидца той эпохи, служившего в Наркомате снабжения РСФСР и, следовательно, знавшего ситуацию изнутри, «в массу советских работников внедрилось немало людей, проходящих под флагом политической борьбы и большевистских убеждений только для удовлетворения своих нечестных алчных наклонностей» (цит. по [Лившин, 2010, с. 115]).

Отсутствие в этот период эффективного механизма контроля деятельности работников партийных, советских и хозяйственных органов власти на местах способствовало тому, что молодая советская управленческая «элита», не чувствуя над собой постоянного контроля вышестоящих инстанций, вела себя зачастую вызывающе, нарушая этические нормы поведения. В результате не только не были изжиты «родимые пятна» прежней, царской, административной системы, такие как бюрократизм, неповоротливость, бездушие чиновников, коррумпированность, но и в известном смысле они проявились более рельефно.

Власть как форма служения народу оставалась для таких советских чиновников пустым звуком. Борьба за революционные идеалы, за светлые идеи коммунизма для многих новоявленных работников властных структур была плохо понятна и абстрактна, а блага, которые давала власть, воспринималась вполне осязаемыми и материальными. Такие люди не могли подняться выше примитивного, упрощенного понимания целей власти. Как следствие – их неспособность и нежелание разрешать проблемы людей, злоупотребление властью, коррумпированность, моральное разложение.

И. В. Нарский рассматривает стремление получить должность во власти как элемент стратегии выживания человека в тяжелый период российской истории, «когда в обстановке нараставшей нищеты мотив выживания отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению» [Нарский, 2001, с. 444–445]. Во времена «военного коммунизма» обладание административным ресурсом, связанное с правом распоряжения материальными и финансовыми средствами и их

распределения, вызывало у ряда ответственных работников и служащих желание «обналичить» административный ресурс, использовать его для получения жизненных благ.

Подобная стратегия поведения советских управленцев получила благоприятную почву для развития в условиях новой экономической политики большевиков. Меняются «правила игры» в сфере экономики, возрождается свободная предпринимательская деятельность. С началом нэпа негативные черты молодого советского чиновничества стали проявляться особенно ярко. Возникла благоприятная экономическая среда, в которой эти пороки стали расцветать пышным цветом. Развивается мелкобуржуазная психология, появляется алчный азарт стяжательства. В определенном смысле такое поведение было обусловлено социальной психологией новых «хозяев» России. В своём большинстве руководящие работники и служащие являлись выходцами из социальных низов российского общества. Низкий культурно-образовательный уровень советских бюрократов способствовал тому, что полученные властные возможности они направляли не на удовлетворение и повышение духовных потребностей, а в материальную сферу, конвертировали их в вещественные радости жизни.

Зачастую ведение не советского, а фактически буржуазного образа жизни представители новоявленной советской «элиты» и не старались особо скрывать от окружающих. Неправедно полученные средства они использовали для приобретения соответствующих вещественных атрибутов, указывающих на привилегированный статус их обладателя, наделенного властными полномочиями, и позволявших «провести разделительную черту между собой и прежней социальной средой», и управляемой массой населения [Лейбович, Колдушко, 2008, с. 22]. Что представляли собой материальные символы особого статуса, показывают партийные документы: «...отдельные работники имеют в своем собственном распоряжении, а часто и в личном владении автомобили, собственные конюшни со скаковыми и выездными лошадьми, собственные коляски и т.д.»².

Таким образом, под влиянием нэпа начинает формироваться определенный стереотип поведения партийно-советских ответственных работников и хозяйственников, отклоняющийся от официально декларируемого образца. В партийных документах этого периода для обозначения проявлений характерных для такого «непарадного» поведения представителей власти, в обиход вводятся выражения «хозяйственное обрастание», «припадание к нэпу».

Партийные и советские функционеры, хозяйственные руководители начинают превращаться с 1923 г. в новый правящий класс советской политической системы – номенклатуру. Создание новой системы назначения на должности было связано также с оформлением системы привилегий для номенклатурных работников. Привилегии становятся одним из отличительных признаков номенклатуры. Хотя зарождение особого снабжения ответственных партийных работников относится к периоду революции и Гражданской войны, именно в 1920-е гг. происходит очевидное «размежевание членов партии по имущественно-должностному признаку» на «верхи» и «низы» [Никулин, 1997, с. 73]. Такая же дифференциация наблюдается в советских и хозяйственных структурах управления. Однако ситуация усугублялась тем, что у представителей власти периодически возникало желание «выйти за флажки» и в нарушение официально установленных привилегий и норм материального снабжения обеспечить себе ещё более высокий жизненный уровень, что неизбежно толкало их к должностным преступлениям.

Обращает на себя внимание тот факт, что должностные злоупотребления, нередкие и в период «военного коммунизма», с началом нэпа начинают приобретать массовый характер [Чистиков, 2007, с. 260, 263]. В 1925 г. должностные преступления составляли более 60 % от общего числа преступлений, в дальнейшем ситуация еще более ухудшается [Епихин, Мозохин, 2007, с. 21–22]. По данным общесоюзной статистики в 1924 г. за присвоение, растраты и подлог к уголовной ответственности было привлечено 220 чел., а в 1928 г. уже 3634 чел., т.е. 16,5 раза больше; за взяточничество в 1924 г. к суду привлечено 364 чел., в 1928 г. – 4407 чел., т.е. больше в 12 раз [Орлов, Маркосян, 2013, с. 113]. На местах появляются целые преступные группы, состоявшие из десятков и даже сотен сотрудников различных учреждений и организаций [Нарский, 2001, с. 449–450].

Региональная система власти Урала и ее представители в полной мере ощутили на себе неоднозначное влияние нэпа. Испытание нэпом смогли пройти не все руководящие работники властных и хозяйственных структур. В русле общероссийской тенденции в их среде обнаруживаются факты должностных преступлений и хозяйственного обрастания.

В условиях нэпа, предоставившего определенную экономическую свободу, возрастала роль и

самостоятельность хозяйственных руководителей предприятий и организаций Урала, так как они непосредственно распоряжались их продукцией и финансовыми средствами. Хозяйственники в отличие от представителей власти в силу своего особого положения и недостаточного контроля со стороны партийных и государственных органов могли совершать более серьезные по масштабам должностные преступления. Для них было характерно, как правило, наличие целого «букета» должностных преступлений. На практике это проявлялось в экономических злоупотреблениях, взятках, непроизводительном расходовании средств предприятий и организаций, например, когда «хозяйственники, задерживая жалование рабочим, покупают за миллиарды технически ненужный автомобиль, когда они без нужды взвинчивают индивидуальные ставки, явно за счет рабочих, когда в обстановке огромной нужды устраиваются пышные банкеты и т.д.»³.

Упомянутая любовь к лошадям со стороны представителей власти не обошла стороной и уральских хозяйственников. Видимо, эта любовь приобрела такие масштабы в период нэпа, что региональным партийным инстанциям пришлось принимать по этому поводу специальное постановление. В августе 1923 г. на заседании Уралбюро ЦК РКП (б) рассматривался вопрос «О конезаводстве на Урале». Было принято решение «считать совершенно недопустимым содержание хозяйственными, кооперативными и т.п. организациями специальных беговых лошадей и конюшен, так как это создает лишние накладные расходы и отвлекает хозяйственников от непосредственной работы»⁴. Правда, допускалось участие в скачках штатных лошадей хозяйственных организаций, но хозяйственные руководители предупреждались о привлечении к ответственности, если такое участие будет «связано с поступками, роняющими авторитет партии и Советской власти», или нанесет материальный ущерб хозяйственному органу⁵.

Весьма распространенным среди хозяйственных руководителей должностным преступлением являлась растрата денежных и материальных средств предприятия. Любые попытки контроля их деятельности наткнулись на ожесточенное сопротивление. Типичная линия поведения хозяйственников при проведении проверки обнаруживается в ходе деятельности ревизионной комиссии каменноугольной промышленности Урала. В марте 1924 г. ревизионная комиссия начала проверку Егоршинского и Кизеловского каменноугольных трестов. С самого начала работы комиссии «пришлось столкнуться с недоброжелательным отношением администрации» Егоршинского каменноугольного треста. Руководство треста чинило препятствия в получении членами комиссии необходимых финансовых документов.

В ходе проверки были выявлены крупные злоупотребления (значительные растраты денежных и материальных средств треста), финансовые махинации. Среди причастных к злоупотреблениям оказались и близкие родственники начальника треста Давыдова, занимавшие в тресте различные должности. Администрация треста превратилась в растревоженный улей. В оперативном порядке на копи съехались «все так или иначе причастные к делу лица»⁶. На квартире начальника треста проводились совещания, за членами ревизионной комиссии была установлена слежка. Председатель ревизионной комиссии отмечал, что «работа Р[евизионной] К[омиссии] стала не только затруднительна, но даже опасна для жизни самих ее членов...», так как стали поступать угрозы со стороны руководства треста⁷.

Поняв бесперспективность угроз, начальник треста уехал в Екатеринбург, надеясь там заручиться поддержкой вышестоящих инстанций. Но его усилия не увенчались успехом. Видимо, слишком явными оказались факты его злоупотреблений. В результате Давыдов был отстранен от должности, а на его место Уралоблсовнархозом назначен новый руководитель – Тетерин.

Однако назначенный начальник треста продолжил линию предшественника по противодействию работе ревизионной комиссии. Разница заключалась лишь в изменении тактики: к кнуту был добавлен пряник. Новый начальник треста пошел на откровенный подкуп: «начал вести переговоры с членами комиссии о переходе последних к нему на службу, предлагая им более выгодные условия»⁸ в обмен на то, что они закроют глаза на выявленные хищения.

С похожим негативным отношением к себе комиссия столкнулась и при проверке в мае 1923 г. деятельности Кизеловского каменноугольного треста. «Здесь, как и в Егоршино, ставились всё время палки в колеса»⁹. Перед комиссией по прибытии на место встал квартирный вопрос: в течение полутора недель она не могла получить места для проживания, «хотя острого кризиса в квартирах Кизел не испытывает»¹⁰. При ревизии бухгалтерии треста проявился скрытый саботаж деятельности комиссии. Как только комиссия приступила к работе, главный бухгалтер и его помощник

уехали в отпуск, а заведующие отделами бухгалтерии отправлялись в срочные командировки, как только ревизия «подходила к кругу их ведения»¹¹. Документы терялись и «находились также неожиданно» после заявления председателя ревизионной комиссии, что об этом будет сообщено в Уралоблсовнархоз. К членам комиссии «технический высший персонал относился оскорбительно свысока», а начальник треста также старался переманить к себе на службу некоторых из них¹². По итогам деятельности комиссии её председатель сделал неутешительный вывод: «Работы ревизионных комиссий Урала являются самой неблагоприятной, так как сразу же получается целая масса врагов, отношение к ним хозяйствующих органов самое скверное, чувствуется <...> стремление так или иначе портить Р[евизионной] К[омиссии] её работу»¹³. Позицию хозяйственников концентрированно отразил в своём высказывании начальник Егоршинского треста: «Это наша последняя глупость – создание Р[евизионной] К[омиссии]»¹⁴.

Вызывающее, безбоязненное поведение уральских хозяйственных руководителей было также обусловлено тем, что постоянный и строгий контроль над их деятельностью не всегда был возможен из-за удаленности предприятий (заводов, рудников, приисков, копей) от крупных городских центров. Здесь, в глубинке, руководители предприятий были почти недосыгаемы для Уралбюро ЦК РКП (б) и губкомов партии, а решения местных партийных ячеек они игнорировали. Так, на Кылымском платиновом прииске администрация имела фактически неограниченную власть: «...она творит суд и расправу, увольняет и нанимает самостоятельно без биржи труда»¹⁵. Приисковая партийная ячейка во главе с секретарем, членом партии с 1905 г., пыталась отстаивать интересы и права рабочих перед администрацией, но оказалась бессильной в этой борьбе и постоянно терпела фиаско, не находя поддержки у рабочих. Работники прииска боялись администрации, во главе которой стоял «беспартийный спец – пьяница-дебошир», превратившийся фактически в местного «царька». Его «царское» положение обеспечивало вооруженное подразделение, так называемая Горная охрана, «находящаяся на содержании администрации приисков, следовательно, и выполняющая слепо все ее приказания в какой бы то ни было форме»¹⁶.

В некоторых случаях самовластие хозяйственных руководителей и их уверенность в собственной безнаказанности приобретали крайние формы проявления. Так, назначенный в апреле 1922 г. директором Верхнесалдинского металлургического завода бывший член РКП (б) К.С. Рукавишников повел себя как полновластный хозяин. Он позволял себе рукоприкладство в отношении рабочих, ругал их площадными словами. На заводе была создана система осведомителей, состоявшая «из отдельных лиц администрации, отдельных рабочих и даже партийцев, и горе тому, кто выражает плохое мнение о Рукавишникове, тот будет выброшен из завода или стеснен в чем-либо»¹⁷. Рабочие не видели никакой разницы между управляющим бывшего владельца завода и советским директором – «управителем Средне-Уральского треста Рукавишниковым». Директор держал в страхе не только рабочих, но и завком, заводскую партийную ячейку, и даже волостной комитет партии, открыто заявляя: «всех коммунистов вышибу из завода»¹⁸. В результате ни ячейка, ни секретарь ячейки, ни волком не пользовались у рабочих завода никаким авторитетом, так как не могли защитить их от произвола администрации. Рукавишников имел надежных покровителей в вышестоящих хозяйственных органах и, чувствуя свою безнаказанность, вел себя как настоящий барин: за счет казенных средств устраивал медвежьи охоты, покупал моторные лодки для прогулок, привлекая рабочих в качестве обслуживающего персонала¹⁹.

В октябре 1923 г. Пермским губкомом РКП (б) рассматривалось дело Горнозаводского треста. В ходе проверки треста вскрылись факты вопиющей халатности. На складах треста ценные материалы и продовольствие хранились ненадлежащим образом. На Левшинской базе было обнаружено «1300 пуд. плохого, гниющего овса, смешанного с землей», под открытым небом хранилось «тонкое листовое железо (уже очень ржавое)», «в складах 800 пуд. негодного цемента, 5 ½ вагонов овса и 2000 п[уд.] ржи [в] разгрызенной мышами таре, овес и рожь смешаны»²⁰.

Печальные последствия имела поездка коммерческого директора треста Размахнина на Нижегородскую ярмарку для продажи изделий и покупки товара. Из-за халатности Размахнина было расхищено около 1000 пуд. железа. Приобретенные на ярмарке товары большей частью оказались некачественными: мануфактура низкого качества, бракованные валенки и ботинки, 30 тыс. пар «никуда не годных» рукавиц, 2 тыс. таких же полушубков, которые пришлось пустить «на обтирку машин»²¹. Зато заключение сделок коммерческий директор отмечал с размахом. Как отмечали проверяющие, «счета, представленные Размахниным, так и пестрят ведрами пива»²².

Сотрудники треста заключали договоры с частными торговцами на невыгодных условиях, «в ущерб государству». Например, агент коммерческого отдела Роттенберг продал «1000 пуд. кровельного железа инженеру Мышкину [...] дешевле рыночных цен»²³. Убытки тресту приносили также закупки недоброкачественных товаров «и вне ярмарки». В результате такие товары невозможно было реализовать, «и часть их до сих пор лежит на складах – никто их не берет»²⁴.

Занималось руководство треста и сбытом некондиционной продукции. Проданный трестом чугуун, «оказался передельным, эмалированная посуда оказалась с обрушившейся эмалью», гвозди были «тупые, кривые, не лезут в доску», сортовое железо было не тех сортов²⁵.

В то же время руководители треста, злоупотребляя своим служебным положением, тратили средства организации не по назначению – «приобреталась, например, мебель для квартир работников треста, ремонтировались эти квартиры и т.п.»²⁶.

По результатам проверки руководители треста были обвинены в заключении невыгодных торговых договоров и проведении сомнительных коммерческих операций, которые принесли тресту убытки²⁷. Их деятельность Пермский губком РКП (б) охарактеризовал как преступную и принял решение о привлечении к уголовной ответственности по статьям 110, 128, 128-а УК РСФСР²⁸.

В отличие от хозяйственников советские служащие, в том числе достаточно высокопоставленные, не обладали возможностью напрямую, индивидуально распоряжаться значительными финансовыми ресурсами, поэтому их должностные преступления были связаны с использованием своих служебных полномочий. Например, бывший начальник ГПУ Екатеринбургской губернии Храмцов совершил подлог документов, в результате которого присвоил себе казенную лошадь, которая по документам была проведена как украденная²⁹. Милиционеры 5-го Алапаевского района, включая командный состав милиции, вместо того чтобы ловить кумышкочваров (самогонщиков. – С.В.), покровительствовали им, за что получали от них выпивку и взятки³⁰.

Опасность складывающейся ситуации состояла в том, что искушение нэпом испытали не только хозяйственные руководители, представители исполнительной власти и правоохранительных органов. Особую тревогу у высшего партийного руководства вызывало проникновение собственной психологии, оживленной нэпом, в ряды коммунистической партии. В партийных документах отмечалось, что у коммунистов «хозяйственное обрастание в городе находит свое выражение в приобретении в собственность домов, в аренде их, в участии непосредственно или через членов своих семей в торгово-промышленных предприятиях и т.п. В деревне оно проявляется в том, что тяга членов партии к обзаведению усадьбой, рабочим скотом, инвентарем переходит за пределы трудового хозяйства»³¹. Таких нестойких членов партии предлагалось перевоспитывать, нагружая партийной работой, перебрасывать на другую работу. В отношении тех коммунистов, «кто использует служебное положение в целях обогащения», предусматривалась крайняя мера – исключение из партии³². Таким образом, нравственной коррозии под влиянием нэпа стал подвергаться костяк формирующейся советской системы управления – коммунистическая партия и в первую очередь ответственные партийные работники разных уровней.

Сначала это были единичные случаи, но по мере развертывания нэпа они стали быстро приобретать системный характер. Постепенно такие «мелкобуржуазные привычки», как банкеты, прощальные вечера и другие подобные мероприятия, связанные с проведением различных партийных съездов и конференций, становились нормой партийной жизни на местах. Предпринимались даже попытки узаконить подобные явления. Так, Кунгурский уком РКП (б) принял решение «признать банкеты в честь ответственных руководителей советских учреждений средством сближения партии с беспартийными»³³. Поэтому высшие партийные инстанции стремились регламентировать подобные явления в партийной среде. В циркуляре ЦКК РКП (б) № 58 от 19 октября 1923 г. «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии» указывалось, что «партия должна вести борьбу с вошедшими в моду чествованиями ответственных работников по случаю их юбилеев, перемещений и т.п. Запретить коммунистам как подношение, так и принятие драгоценностей и других дорого стоящих подарков и особенно следить за тем, чтобы за счет государства не устраивались всякие такие чествования.

Устройство юбилейных вечеров должно каждый раз получать санкцию губкома и носить строго общественный характер.

ЦК и ЦКК еще раз напоминают о строгом запрещении устройства на государственный и общественный счет всякого рода банкетов, которые могут быть устраиваемы лишь в крайне редких

случаях, имеющих широкое политическое значение, и каждый раз с разрешения парткома, ответственного за такое устройство»³⁴.

В ноябре 1923 г. как реакция на указанный циркуляр Пермским губкомом РКП (б) рассматривался вопрос «О борьбе с излишествами и бесхозяйственностью». Руководство губкома согласилось с опасностью подобных негативных явлений, разумно заметив, «что Советская власть для масс должна быть дешевле царской власти»³⁵. Было принято решение о создании специальной комиссии по проверке накладных расходов советских и хозяйственных органов, а также об информировании широких партийных масс «о видах излишеств и мерах борьбы с ними»³⁶.

В русле продолжения борьбы со злоупотреблениями и излишествами в июне 1924 г. райкомам РКП (б) было разослано письмо за подписью секретаря Пермского окружкома РКП (б) В.И. Нанейшвили и члена окружной контрольной комиссии А.А. Гребнева. В письме давалась положительная оценка практики организации цеховых комиссий и заслушивания докладов заведующих цехами на партсобраниях как метода борьбы с излишествами, накладными расходами и бесхозяйственностью. Отмечалось, что необходимо более тщательно производить подбор хозяйственных работников на должности, продолжить создавать на фабриках и заводах ячейки содействия борьбе с бесхозяйственностью и злоупотреблениями³⁷. Предлагалось придавать широкой огласке факты злоупотреблений посредством проведения публичных судов, объявления «на общепартийных собраниях постановлений парторганов о выговорах, предупреждениях и проч.»³⁸. Руководство районов должно было на собственном примере показать борьбу с излишеством, для чего «произвести невозможное упрощение обстановки кабинетов государственных и хозяйственных организаций, всё излишнее украшение, как то: роскошную мягкую мебель, ковры и проч. передать в рабочие клубы»³⁹. Пермские руководители призывали районные партийные органы «твердо проводить» мероприятия против «ненормальных явлений», «дабы тем самым не допустить и предупредить появления нездорового течения уклонов»⁴⁰.

Однако требование публичности в отношении фактов злоупотреблений ответственных работников сами инициаторы борьбы не всегда соблюдали, используя двойные стандарты, когда дело касалось своих. Примерно в то же время, когда появилось указанное письмо, рассматривалось дело отдела коммунального хозяйства Пермского губисполкома. Пользуясь плохой организацией учета документов («списки муниципального имущества не были заверены и хранились в комхозе в одном экземпляре»), сотрудники отдела за взятки, получаемые от владельцев домов, «вычеркивали этот дом из списка»⁴¹. На заседании бюро Пермского губкома РКП (б), на котором рассматривался этот вопрос, губернский прокурор В.В. Осипович потребовал привлечь ответственных за должностное преступление сотрудников губкомхоза Анишева и Норкина к суду «за халатное отношение к делу». Однако остальные участники заседания, в том числе присутствовавший на заседании зам. председателя Пермского губисполкома М.А. Советников, одновременно являвшийся членом бюро губкома, сочли такое наказание чересчур суровым, указав, что «у т. Осипович неправильный подход к делу». Решили ограничиться наложением на провинившихся дисциплинарного взыскания, а «от уголовной ответственности их освободить»⁴². Хотя ст. 108 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. за халатное отношение к делу предусматривала лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или освобождение от должности, а в случае, если эти «действия имели особо тяжелые последствия или были совершены должностным лицом в корыстных или иных личных видах», – наказание в виде лишения свободы «на срок не ниже одного года со строгой изоляцией»⁴³. Таким образом, за должностные преступления ответственные лица не всегда несли неотвратимое и соразмерное наказание. Следует обратить внимание также на тот факт, что окончательное решение о привлечении к уголовной ответственности принималось не прокуратурой, а партийным органом.

Новая экономическая политика возродила в социальной структуре российского общества слой частных предпринимателей мелкой и средней руки, так называемых «нэпманов». Однако представители этого социального слоя не имели права вступать в правящую коммунистическую партию. Партийное руководство занимало в этом вопросе жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классово-чистой партийных рядов пролетарской партии, ограждении РКП (б) от «мелкобуржуазного заражения». Не имея возможности напрямую отстаивать свои интересы через партийно-государственные и хозяйственные структуры, предприниматели искали неофициальные пути решения своих вопросов, устанавливая неформальные личные контакты с пред-

ставителями власти, от которых зависело принятие нужного им решения. Эти доверительные отношения между ответственными работниками, служащими и нэпманами не носили, конечно, бескорыстного характера, а материально стимулировались со стороны последних.

Используя затруднительное материальное положение партийных работников, нэпманы предлагали им свою поддержку и финансовую помощь в надежде на ответную благосклонность и содействие. Подобное «сотрудничество» создавало благоприятную почву для злоупотребления властью, коррупции, усугубляло идейное и моральное разложение работников партийного аппарата, приводило к конфликтам внутри партийных организаций.

Типичная ситуация сложилась осенью 1922 г. в Мраморской волости Екатеринбургского уезда, где некий екатеринбургский предприниматель С.Л. Стуркович начал отстраивать завод по производству искусственных жерновов и наждачных изделий. Стремясь обеспечить гарантии своему бизнесу, он стал налаживать тесные отношения с руководством местной партийной организации и действовал с таким напором, что «сумел, оделяя членов партии мукой и другими подарками, создать склоку внутри организации». Отмечая факты разложения в местной парторганизации, журнал «Уральский коммунист» констатировал: «Пришлось перебросить, вследствие этого, нескольких товарищей. Но эта мера не ликвидировала влияния Стурковича, он продолжает свою "мудрую" тактику и <...> устойчивость Мраморской организации еще колеблется»⁴⁴.

Разлагающее влияние нэпа на местную партийную верхушку ощущалось на протяжении всего периода нэпа и вполне ясно осознавалось высшим партийным руководством. Осенью 1924 г. на пленуме Центральной контрольной комиссии РКП (б) отмечалось: «Период нэпа таит в себе опасности, особенно для той части коммунистов, которая в своей повседневной деятельности соприкасается с нэпманами. Неустойчивые элементы начинают тяготиться режимом партийной дисциплины, завидуют размаху личной жизни новой нэпманской буржуазии, поддаются ее влиянию, перенимают ее навыки, ее образ жизни...» (цит. по [Лебина, Чистиков, 2003, с. 61]).

Подражание образу жизни нэпманов проявлялось у ряда членов партии в попытке «жить на широкую ногу». Такой стиль жизни предполагал «посещение всякого рода ресторанов, кафе, садов со спиртными напитками». Это приводило к тому, что «наиболее слабые, неустойчивые характеры скатываются до тотализатора, картежной игры, а затем до определенных преступлений (взятничество, хищения и т.д.)»⁴⁵.

Поведение части партийной верхушки, не всегда отвечавшее партийным идеалам и нормам коммунистической морали, на фоне голода и тяжелой экономической ситуации на Урале в начале 1920-х гг. способствовало тому, что между партийными «верхами» и партийными «низями» накапливалась взрывоопасная «разность потенциалов». Рядовые коммунисты обвиняли партийное руководство в неспособности, а в ряде случаев и в нежелании воздействовать на хозяйственников и нэпманов, говорили о классовой ненависти, возникающей у них по отношению к местному партийно-государственному руководству, в знак протеста против такого бездействия стали выходить из рядов РКП (б)⁴⁶. В результате коррумпированность ответственных работников как социальная проблема «порождала негативные политические эмоции, приводила к озлобленности, пессимизму, ухудшению психологического климата общества» [Лившин, 2010, с. 120].

К совершению должностных преступлений подталкивала неблагоприятная экономическая ситуация в Уральском регионе, трудное материальное положение советских и партийных работников. Официальное материальное вознаграждение было крайне низким, не обеспечивало минимальный прожиточный уровень работника исполнительных органов власти, не говоря о его семье. В тяжелом материальном положении находились также члены партии, в том числе ответственные работники. Как отмечает И.В. Нарский, «вступление в партию еще в меньшей степени, чем устройство на работу в государственные структуры, создавало легальные каналы обеспечения материального благополучия. Оплата труда ответственных партийных работников <...> была номинальной и нерегулярной» [Нарский, 2001, с. 454.]. А у партийных организаций практически отсутствовала возможность оказания им существенной материальной помощи. «Уралбюро наталкивается из-за этой невозможности материального обеспечения на огромнейшие трудности при перебросках из губернии в губернию. Переброшенные товарищи, как правило, оказываются без квартир и без довольствия»⁴⁷.

Партийные инстанции, осознавая серьезную угрозу авторитету власти и ее нормальному функционированию в связи с участвовавшими в условиях нэпа случаями морального разложения и

должностных преступлений в системе управления, старались противодействовать распространению взяточничества, «обуржуазивания» и других негативных явлений среди партийных, советских и хозяйственных работников. Периодически принимались различные постановления, издавались циркуляры, осуждавшие излишества и отступления от норм партийной этики. Провинившихся функционеров и служащих привлекали к дисциплинарной и партийной ответственности, возбуждали против них уголовные дела. Проводились различные массовые мероприятия, направленные на оздоровление партийных рядов. В результате чистки 1921 г. из РКП (б) за взяточничество, вымогательство и другие злоупотребления были исключены из партии около 17 тыс. человек [Борисова, 2006, с. 84]. Однако масштабное мероприятие по оздоровлению партийных рядов разрешило проблему лишь частично. В партии «продолжали преобладать малограмотные и некомпетентные искатели должностей, материального благополучия» [Нарский, 2001, с. 461].

Вслед за этим осенью 1922 г. была объявлена общероссийская кампания по борьбе со взяточничеством, длившаяся до осени 1923 г. В рамках кампании проводились показательные процессы в отношении партийных и советских чиновников-взяточников, хозяйственников и представителей частного капитала (см. подробнее [Орлов, Маркосян, 2013]). На Урале отголоском этой кампании стало создание в 1922 г. при Уралбюро ЦК РКП (б) областной комиссии по борьбе со взяточничеством. Определенные успехи в этом направлении были достигнуты, хотя в целом работа комиссии была малоэффективной: ее постановления о создании соответствующих подразделений в учреждениях и организациях зачастую игнорировались руководителями этих учреждений, ответственные работники не являлись на заседания комиссии⁴⁸.

Одной из административных мер борьбы с должностными злоупотреблениями являлись частые служебные перемещения ответственных работников и служащих, в том числе территориальные, которые производились для того, чтобы чиновники долго не засиживались на одном месте и не успевали обрастать связями. Для борьбы с взяточничеством практиковалось перемещение лиц «со слабой волей» на другие должности, исключающие возможность получения взятки [Орлов, Маркосян, 2013, с. 162].

В качестве еще одной оздоравливающей меры предлагалось помещение оравленных «угаром нэпа» коммунистов, занимавших ответственные должности, в пролетарскую среду. Пермский окружком РКП (б) рекомендовал «для искоренения влияния НЭП на некоторых партийцев производить переброску членов партии на производство»⁴⁹.

К сожалению, далеко не всегда подобные административные барьеры являлись эффективным препятствием для совершения должностных преступлений, возникновения преступных кланов и групп, объединявших недобросовестных представителей советской власти. Проблема состояла еще и в том, что за преступлением не всегда следовало адекватное наказание. Привлечь к ответственности члена партии, тем более занимающего какой-либо пост, было юридически сложнее, чем рядового советского гражданина. Поэтому период нэпа дает нам многочисленные примеры неправомерных действий и серьезных должностных преступлений советских управленцев.

В итоге профилактические и репрессивные мероприятия вышестоящих партийных органов в условиях нэпа носили паллиативный характер, не позволяя искоренить проявления коррупции, взяточничества, другие служебные злоупотребления в среде партийных, советских и хозяйственных руководителей, а лишь удерживали их в определенных рамках.

Кардинального изменения ситуации не происходит и на излете нэпа. Должностные преступления так и не были изжиты в среде партийных, советских ответственных работников и хозяйственников Урала, оставшись спутниками жизни советской «элиты». Так, в июле 1928 г. в закрытом письме Нижнетагильский окружком ВКП (б) в качестве примеров негативных явлений в среде ответственных работников округа называет «такие факты, как Кушвинское, Верхотурское, Лобвинское и Лялинское дела, дело Южакова». Эти дела были связаны с «разложением отдельных частей партактива и вообще болезненными явлениями (распушенность, пьянство, семейственность, замкнутость, хвостизм и т.д.)»⁵⁰. В Лобве существовала группа из 14 человек «ответств[енных] работников, частично, рядовых, разложившихся и разлагающихся на почве пьянства и семейственности»⁵¹. Эта группа по интересам сложилась давно, «пьянство и семейственность существуют не первый год». В неё входили руководители заводского комитета, работник объединенного бюро, заведующий домом общежития, уполномоченный ОГПУ, инспектор охраны труда и ряд других лиц. Пьянство, как это часто бывает, шло рука об руку с должностными преступлениями. Пристрастие к вы-

пивке привело председателя завкома Ломаева «к растратам профсоюзных денег и мошенничеству в виде подделки документов»⁵².

Не отказывались от привилегий и жизненных удобств и хозяйственные руководители. Самым прямым и непосредственным источником благополучия являлся бюджет предприятия. Пользуясь служебным положением, хозяйственники устанавливали высокие накладные расходы для оплаты труда административно-хозяйственного персонала. Это вызывало недовольство у рядовых работников. В июне 1927 г. рабочий кирпичного завода Камтреста Новосельцев, выступая перед своими товарищами, заявил: «Нас эксплуатируют хозяйственники. Прошлый год управляющий Здебчинский, получая большое жалование, еще нажил большие капиталы с рабочих, ныне наживается управляющий Макаров. Нужно отобрать от специалистов, урезать ставки, отобрать в республиканском масштабе выездных лошадей, автомобили. Всё это бросить на улучшение положения рабочих»⁵³.

Среди хозяйственников по-прежнему процветало кумовство. На предприятиях Надеждинского района Тагильского округа существовала «родственная связь большинства администрации, особенно мелкой». Используя административный ресурс, представители администрации «порадели для своих домочадцев», устраивая их на выгодные должности. Реакция рабочих была крайне негативной: «нашу администрацию надо на телеграфных столбах перевешать», «это вторая буржуазия»⁵⁴.

Таким образом, нэп оказывал негативное социокультурное влияние на советскую «элику». Дальнейшее проведение политики экономической либерализации, допущение рыночных отношений, которые объективно несли в себе антибюрократический и антикоммунистический потенциал, «представляло опасность для формирующейся номенклатурной системы, главной опоры правящего режима» [Люттов, 2006, с. 337].

В начале периода нэпа плохая материальная обеспеченность ответственных работников и служащих партийных, советских и хозяйственных структур (низкая оплата труда, необеспеченность жильем и продовольствием) в сочетании с невысокими личными морально-нравственными качествами подталкивала их к поиску дополнительных источников существования, связанному с использованием своего служебного положения. Это влекло за собой неоднозначные последствия: с одной стороны, деформировалась и искажалась система власти, снижался ее авторитет в глазах населения, с другой – она могла функционировать за счет физического выживания ее конкретных представителей. Впоследствии, когда материальное обеспечение представителей власти заметно улучшилось, такая линия поведения постепенно превратилась в норму жизни советской номенклатуры, проникала в повседневную практику ее функционирования. Многочисленные факты должностных преступлений, хозяйственного обрастания ответственных работников на всех этапах региональной власти это наглядно демонстрировали. Переломить обозначившуюся тенденцию в условиях нэповской действительности оказалось чрезвычайно трудно. Соблазны нэпа были слишком велики.

Примечания

¹ Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук, проект № 12-Т-6-1003 «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы», и бюджетной теме 0120136.

² Циркуляр ЦКК РКП (б) № 58 от 19 октября 1923 г. «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии» // Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 277.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.76. Оп.1. Д.459. Л. 5.

⁴ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 4. Д. 66. Л. 48.

⁵ Там же.

⁶ Докладная записка председателя ревизионной комиссии каменноугольной промышленности Урала о деле Егоршинского каменноугольного треста // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. Екатеринбург, 2005. С. 371.

⁷ Там же. С. 372.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 373.

¹² Там же.

- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 372.
- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 6.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 230 об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 19. Л. 35.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 35–35 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 35.
- ²⁸ Там же. Л. 35 об.; Ст. 110 УК РСФСР 1922 г. «Злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе», ст. 128 «Бесхозяйственное ведение лицами, стоящими во главе государственных учреждений или предприятий, порученного им дела», ст. 128-а «Заключение убыточных для государства договоров лицом, действующим от имени государственного учреждения или предприятия». Ст. 110 УК РСФСР 1922 г. предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией, а при особо отягчающих обстоятельствах – высшую меру наказания.
- ²⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 459. Л. 26.
- ³⁰ Госинфосводка № 1 Нижнетагильского окружного отдела ОГПУ для Уралбюро ЦК РКП (б) о политической и экономической ситуации в округе // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. 1. С. 348–349.
- ³¹ Циркуляр ЦКК РКП (б) № 3 от 9 мая 1923 г. «О мерах борьбы с хозяйственным обрастанием членов партии» // Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. 4. С. 115.
- ³² Там же.
- ³³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 473. Л. 5.
- ³⁴ Циркуляр ЦКК РКП (б) № 58 от 19 октября 1923 г. «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии». С. 279.
- ³⁵ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 19. Л. 81.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Письмо секретаря Пермского окружкома РКП (б) В.И. Нанейшвили и члена Пермской окружной контрольной комиссии А.А. Гребнева в райкомы РКП (б) о необходимости устранения негативных явлений в деятельности партийно-государственного и административно-хозяйственного аппаратов округа // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край. Т. 1. Пермь, 2008. С. 462.
- ³⁸ Там же. С. 463.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 17. Л. 100.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/archives/5341> (дата обращения: 24.02.2014).
- ⁴⁴ Урал. коммунист. 1922. № 4 (октябрь). С. 30.
- ⁴⁵ Циркуляр ЦКК РКП (б) № 58 от 19 октября 1923 г. «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии». С. 279.
- ⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 473. Л. 4–5.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 119.
- ⁴⁸ Из протокола № 49 заседания секретариата Уралбюро ЦК РКП (б) о работе областной комиссии по борьбе со взяточничеством // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. 1. С. 328–329.
- ⁴⁹ Письмо секретаря Пермского окружкома РКП (б) В.И. Нанейшвили... С. 463.
- ⁵⁰ Закрытое информационное письмо Нижне-Тагильского окружкома ВКП (б) к райкомам и ячейкам ВКП (б) округа о борьбе с негативными явлениями в среде ответственных работников // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. 1. С. 449.
- ⁵¹ Там же. С. 451–452.
- ⁵² Там же. С. 452.
- ⁵³ Из письма в Пермский горком ВКП (б) о настроениях рабочих Кирпичного завода Камтреста // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край. Т. 1. 1917–1940. С. 510.

⁵⁴Из информационного письма Тагильского окружного комитета ВКП (б) о настроениях среди горняков Надеждинского района // *Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. С. 431.*

Библиографический список

- Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // *Отеч. история. 2006. № 1. С. 84–97.*
- Воробьев С.В.* Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) // *Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспект. анализа. Екатеринбург, 2008. С. 47–96.*
- Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007.
- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.
- Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культурные практики местной номенклатуры до большого террора // *Ретроспектива. 2008. № 1. С. 15–23.*
- Люттов Л.Н.* Региональная руководящая элита в начале нэпа (1921–1923 гг.): социокультурный аспект // *НЭП: экон., полит. и социокульт. аспекты. М., 2006.*
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- Никулин В.В.* Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997.
- Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013.
- Чистиков А.Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.07.2013

TEMPTATIONS OF THE NEW ECONOMIC POLICY: MALFEASANCES OF THE URAL RESPONSIBLE OFFICIALS AND ECONOMIC EXECUTIVES IN THE 1920s

S. V. Vorobyev

Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
svorob.hist@gmail.com

With the beginning of the New Economic Policy in the Soviet Russia, the external environment of the functioning of the Soviet system of governance changed, because “rules of the game” in economic sphere were changed, and free entrepreneurial activity was revived. New entrepreneurs established informal personal contacts with representatives of the government who were often materially stimulated by the Nepmen. There was no effective mechanism of control over the activity of Party, Soviet and economic organizations of local authorities in the 1920s which led to favorable conditions for misuses. The Soviet administrative elite with no constant monitoring from the higher authorities and sometimes with low moral characteristics sought to “cash out” administrative resources for getting material benefits. Official misuses began to spread widely with the beginning of the New Economic Policy because it allowed for favorable economic environment in which those vices extended to grow. Economic executives, government authorities and law enforcement authorities experienced the temptations of the NEP, but there was also infiltration of the new psychology into the ranks of the Party which was the core of the emerging Soviet system of government. The deviant behavior of the communists expressed in the misuse of official position, bribery, embezzlement of public funds, maintaining a bourgeois way of life. Such behavior of the Soviet elite undermined authority of the power and worsened psychological climate of the society. The Party leadership tried to counteract such negative phenomena and to limit their spread by issuing several resolutions and organizing various mass events aimed to improve the Party's ranks. However such preventive and repressive measures of the Party authorities during the NEP period did not succeed in eliminating corruption practices, bribery and other mismanagement among the Party, government and economic executives, but only kept them within certain limits.

Key words: regional management system, the Ural region, the New Economic Policy, Party and Soviet leaders, economic executives, malfeasances.

References

- Borisova L.V.* NEP v zerkale pokazatelnykh prozessov po vzyatochnichestvu i khozyaystvennym prestupleniyam // *Otechestvennaya istoriya*. 2006. no. 1. P. 84–97.
- Vorobei S.V.* Formirovaniye vlastnoi vertikali sovetskoi politicheskoi sistemy v period NEPa (na primere Urala) // *Gosudarstvo i narod v usloviyakh sotsialisticheskogo eksperimenta: opyt retrospektivnogo analiza*. Ekaterinburg, 2008. P. 47–96.
- Epikhin A.Yu., Mozokhin O.B.* VChK–OGPU v bor'be s korrupziyey v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1928). Moscow, 2007.
- Lebina N.B., Chistikov A.N.* Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoi zhizni gorozhan v gody NEPa i khrushchevskogo desyatiletia. St. Petersburg, 2003.
- Leybovich O., Koldushko A. A zhertvy kto? Kul'tovye praktiki mestnoy nomenklatury do bolshogo terrora // *Retrospektiva*. 2008. no. 1. P. 15–23.
- Lyutov L.N.* Regionalnaya rukovodyashchaya elita v nachale NEPa (1921–1923 gg.): sotsiokulturnyy aspekt // *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokulturnye aspekty*. Moscow, 2006.
- Narskiy I.V.* Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. Moscow, 2001.
- Nikulin V.V.* Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskiy rezhim v period NEPa. Stanovlenie i funktsionirovaniye (1921–1929 gg.). St. Petersburg, 1997.
- Orlov I.B., Markosyan G.M.* Vzyatka i bor'ba s nei v gody NEPa. Moscow, 2013.
- Chistikov A.N.* Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada sovetskoi Rossii 1920-h godov. St. Petersburg, 2007.